

ЛЕОНИД БЛЯХЕР

ИСКУССТВО
НЕУПРАВЛЯЕМОЙ
ЖИЗНИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ТЕТРАДКИ GETTER.U

Леонид Бляхер
Искусство неуправляемой
жизни. Дальний Восток
Серия «Тетрадки Gefter.Ru»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8083896
Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток: Европа; Москва; 2014
ISBN 978-5-9739-0218-6

Аннотация

Жизнь России за пределами ее видимости из центра, вне отчетов и бюджетов. Сила неуправляемой жизни и ее роль в новой реальности Дальнего Востока – предмет размышлений Леонида Бляхера. Автор предлагает встречать дальневосточную реальность «глаза в глаза», признавая стремление человека к поддержке ближних. Тяга к солидарности без внешних насильственных регуляторов ляжет в основании нового единства страны. Выстроенного не «сверху», а от людей в их обычной активности. Для этого нужно немного – дать реальности заговорить собственным языком.

Леонид Бляхер – доктор философских наук, профессор Тихоокеанского государственного университета. Главный редактор журнала «Полития». Исследует неформальные отношения в политике и бизнесе и их легальные отражения.

Содержание

Предисловие	4
Часть I	10
Глава 1	10
Казус Европы: экономика как статусно нагруженная сфера	10
Проблема политического перевода	16
Глава 2	23
Русская власть: длинные структуры истории	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Леонид Бляхер

Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток

Предисловие

*Улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.*

В. Маяковский

Одним из самых поразительных открытий, свершившихся в последние десятилетия, стало открытие множества России. О другой России (отнюдь не об оппозиции) заговорили давно, уже в первой половине 1990-х годов. Россия «русскоязычных» жителей бывших советских республик и Россия российских регионов, Россия потерянная и Россия криминальная. Да, много еще разных скрытых стран и народов, проживающих на одной территории. Эти «разные страны» под влиянием ветров демократии стали обретать голос, стали спорить и решать на самых разных площадках, от площадки перед поссоветом до Верховного Совета последнего созыва.

Голоса эти были отнюдь не благозвучным пением ангелов грядущей демократии. Гораздо чаще они были грубыми, хриплыми и мало похожими на выступления европейских парламентариев. Но у них было одно важнейшее достоинство: они были голосами России, ее разных и очень разных жителей. За невнятность этих голосов стоит сказать спасибо артикуляторам общественного мнения, которые в тот момент артикулировали что-то совсем иное. При этом были искренне удивлены, когда оказалось, что артикулировали они не интересы старой или новой власти, не хриплые голоса «почвы», а выдуманный, вымечтанный ими объект.

Правда, потом, под победный грохот выстрелов по Белому дому в 1993-м, разговоры о разных Россиях отошли несколько в сторону, переместились из жизни в «исследование жизни». Так часто случается: когда нечто исчезает из жизни, его непременно начинают исследовать, реконструировать и толковать. В рамках регионалистики и изучения проблем федерализма, в рамках антропологических и этнографических штудий эти разговоры продолжались. Но продолжались они главным образом в академических аудиториях, в минимальной степени затрагивая толщу публичной речи, сознание основной массы жителей. Точнее, шел более или менее быстрый процесс вытеснения этих разговоров из легального и общего пространства в резервацию, ставший особенно стремительным в текущем столетии.

Да и сами эти разговоры были отнюдь не простыми, даже на уровне попыток научного описания. С одной стороны, ученые видели гигантские различия в образе жизни, типах хозяйствования, климате, кулинарных особенностях, эстетических пристрастиях, вплоть до цвета глаз и волос жителей Калининграда и Владивостока, Краснодара и Архангельска. С другой стороны, попытка их как-то объективировать чаще всего с треском проваливалась. Массовые опросы, контент-анализ прессы, да и статистические данные вполне укладывались в общую картину. Выламывающиеся из картинки элементы существовали на периферии смыслового поля.

Причина в целом достаточно очевидна. После расстрела парламента в 1993 году различия разных частей России уходят в тень. Они простирались в широких пределах от особен-

ностей двойной бухгалтерии и устного найма до специфики криминальных крыш, разборок, властной дистрибуции, организации бизнеса и социального взаимодействия. Но многочисленные исследователи нашего «неформального всё» были сосредоточены более на фиксации несовпадения формальных принципов и неформальных правил. Веселая неформальность казалась важнее и интереснее, нежели описание ситуации, где неформальное и формальное слиты воедино. В результате реальность российской «живой жизни», точнее реальности, осталась несказанной. Важно и то, что в силу особенностей, о которых пойдет речь в книжке, она (реальность) и не особенно стремилась быть сказанной.

Эти очень разные, но главным образом неформальные отношения персонифицировались в фигурах «региональных баронов» – губернаторов 1990-х годов. Тех самых, которые «перегибы и произвол на местах». Тех самых вполне самовластных владык. Но при всем их могуществе в легальной и легитимной сфере они были только чиновниками, правда, всенародно избранными, то есть по уровню легитимности равными, скажем, президенту страны. Практически, будучи «императорами в своем королевстве», эти «императоры» оказались так и не способными создать легальный легитимизирующий дискурс. Достаточно тонкие и по своему изящные попытки создать такой язык¹ отторгались региональным сообществом как «чужие».

Предельно разные регионы, да и не только регионы России, обладали одним общим языком, идущим из центра. Разная реальность втискивалась в этот язык – и научный, и публичный, – воспринималась только через него. Иных форм презентации просто не оказывалось. Единый язык, существуя по законам семиотически упорядоченной совокупности текстов, создавал плотную стену смыслов, заслоняющих реальность и от взгляда исследователя, и даже от взгляда жителя. Реальность за пределами единого языка оказывалась непоименованной, а значит, неисследуемой и нефиксируемой.

В условиях, когда различия не столь существенны, такой единый язык скорее благо. Он позволяет легче осуществлять коммуникацию, согласовывать интересы. То, чем во имя нее жертвуют, в этом варианте оказывается не особенно существенным. Однако в варианте значимых различий, в варианте конфликта интересов общий язык, выработанный вне переговоров и согласований, превращается в «прокрустово ложе». Но иного языка и коммуникации, и самоописания просто нет. Неформальная реальность, не только экономическая или политическая, но и любая другая, продолжала «корчиться безъязыкая». Потому при опросах люди воспроизводили ритуальные речевые формулы, почерпнутые из последних телепередач. А интерпретаторы вычитывали из них привычные смыслы.

В результате, в отличие от ситуации в Империи Христиан после Вестфальского мира, «короли» оказались слабее императора.

Возглавляемые ими региональные сообщества попросту проиграли конкуренцию федеральному бюджету, одухотворенному нефтью и идеей спасения России. Слабые попытки построить «региональную идеологию» конца 1990-х годов были с легкостью раздавлены официальным дискурсом, использующим все ресурсы советского идеологического наследия и мощь федеральных трансфертов.

Региональная реальность, которая и в начале, и в конце 1990-х годов была близка к тому, чтобы обрести голос, была окончательно вытеснена из публичной сферы. Но, оказавшись без голоса, она не исчезает. Ведь условия жизни, условия коммуникации, вплоть до привычки ездить за вещами в Польшу, Турцию, Монголию или Китай, остаются прежними. Остаются прежними и социальные сети, пронизывающие каждую пору социальной ткани страны.

¹ Политика и культура в российской провинции / ред. С. Рыженков, Г. Люхтерхандт– Михалева, А. Кузьмин. СПб. – М., 2001.

Их невидимое существование проявляется в классических формах – в оппортунизме, в тактике избегания встречи с властью, в стремлении регионов перенаправить федеральные трансферты из бессмысленных (для регионов) сфер в «правильные» (для регионов же). Этот «скрытый гул», проявлявшийся в самых разных формах на протяжении всех «нулевых» годов, стал прорываться на поверхность, как только сияющая нефтегазовая пленка, охватившая страну, ставшая символом ее единства, начала истончаться.

На поверхности выступили уже четыре России Натальи Зубаревич². Россия столиц и мегаполисов, Россия малых городов и деревень. В очереди стоит гораздо больше. Недавно, как Колумб Америку, Россия с помощью Юрия Плюснина³ открыла для себя мир «отходников». Усилиями петербургских социологов из Европейского университета мы вот-вот откроем *urbi et orbi* загадочную реальность МВД. Все четче проявляются различия территорий. Казалось бы, в чем трудность? Есть разные миры, сосуществующие в одном политическом пространстве, в одной стране. Каждый из них обладает своей правдой, своей рациональностью. Соотнести их, выработать общие и взаимоприемлемые принципы взаимодействия – и нет больше Пиренеев.

Тут-то и возникает проблема. Все эти реальности «молчат». Их описание – всегда описание внешнее. Они в большей или меньшей степени, в зависимости от такта и проницательности исследователей, трансформированы актом описания, чужим языком. Принимая чужой язык описания, реальность невольно, как и в варианте с единым «федеральным» дискурсом, вытесняет за пределы видимого то, что в этот язык не вписывается. Все бо́льшая часть реальности оказывается в непоименованном пространстве.

Более того, само описание здесь оказывается без адресата. Властный дискурс его отторгал как чужое. Региональный же вариант не видел особой разницы между тем и другим «книжным» видением. Но то, что в отсутствие своего слова эти реальности смогли быть увиденными хотя бы наиболее внимательными исследователями, говорит о том, что общее слово вытесняет не случайное, факультативное, а сущностное содержание реальности. Сегодня это отсутствие языка все активнее прорывается в сепаратистских настроениях, в уверенности, что «Москва нас ограбила».

Ведь если вербализация, переговоры невозможны, то неизбежно возникает желание прекратить коммуникацию. Задача дать этому непоименованному миру язык пока просто не ставилась. В результате мир России начинает складываться из разных, но не осознающих свою разность сообществ. Невозможность эту разность выразить приводит к тому, что ее «выражают» другие. А взгляд соседа хоть и пристальный, но далеко не всегда доброжелательный.

Как говорят социологи, «чужая культура всегда грязная». В результате отличие разных миров были осмыслены не как другие, но как испорченные свои. Боль одного региона почти никогда в новейшей истории России не находила адекватной реакции у соседей. Так, катастрофические пожары на Дальнем Востоке 1998 года, в ходе которых сгорело более двух миллионов гектаров леса, полностью прошли мимо информационного поля России, массовые народные выступления на Дальнем Востоке 2007–2008 годов отразились в целых трех публикациях за пределами региона.

Выступления эти были в них «адекватно» оценены как «подготовленные и проплаченные криминалом». Стоит ли удивляться, что столичные приключения образца 2011 года остались для большей части регионов «движухой зажавшихся москвичей». Разные, но не осознающие свою разность регионы, социальные и профессиональные общности не могут договориться. Нет языка, на котором они могли бы выразить себя. Молчит реальность, по

² Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010.

³ Плюснин Ю. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5 (50).

поводу которой нужно договариваться. Потому ей и необходим «стальной каркас» власти. Ведь власть из необходимой сферы сервиса превращается в сферу господства в тот момент, когда мы теряем способность или возможность договариваться сами.

Более того, задача «сказать регион» зачастую до настоящего времени воспринималась как чудовищная крамола, как посягательство на святое, на единство. Пламенных защитников единства в таком варианте, когда большая часть населения просто лишена голоса (не права голосовать, но возможности сказать о себе), сегодня более чем достаточно. Но, как представляется, именно этот путь – дорога в распад, повторение пути СССР.

Разные территории, разные люди, «склеенные» с помощью ОМОНа, даже без идеологической анестезии просто распадаются при ослаблении властного давления или взрываются при его сохранении без массированных финансовых вливаний. Гораздо более продуктивным, далеко не гарантирующим успех, но содержащим в себе его возможность представляется иной путь. Путь, при котором разность не просто признается и постулируется, но разноречие, разномыслие становится основой для выработки нового единства, нового общего языка. Ведь общего у нас, на самом деле, очень много, а о разном при наличии языка можно договориться. Это путь к другому единству. Не единству кнута и страха, а единству взаимного интереса, согласованных принципов бытия. Почти трюизмом сегодня стала мысль, что Россия, возникшая в 1990-е, будучи небывалым, новым политическим, да и культурным образованием, в этом качестве ни разу осмыслена не была. К новой стране прикладывались самые разные маски – от советской до дохристианской. Но в каждом случае это были маски, скрывающие, а не организующие пространство.

Эта книга тоже отнюдь не решение проблемы, но маленький шаг в обозначенном направлении. Я попытаюсь сквозь дебри статистики, сквозь множество строгих и нестрогих объяснений, сквозь устоявшиеся социальные и политические фобии самих же жителей региона и его внешнего окружения прорваться к одной из территорий страны – к Дальнему Востоку России. Не потому, что эта Россия более значима, чем другие. А только потому, что я живу здесь, хожу по этой земле, люблю ее. Потому что я хочу, чтобы она заговорила своим голосом. Одним из многих.

Голосом по определению невнятным. Ведь речь идет о том, для чего слов еще не придумали. Да и сами жители региона за десятилетия пения чужими голосами привыкли думать о себе и своей жизни хуже, чем она есть на самом деле. Привыкли просить или ругать «начальство», что в равной степени бессмысленно. Уже на стадии обсуждения этой книжки и ее отрывков, выложенных на сайте gef.ee.ru, среди самых разных откликов были возражения типа: а ты уверен, что люди, принимающие решения, прочтут эту книжку?

Отвечу сразу: людям, «принимающим решения», я эту книгу и не адресую. Более того, я адресую книгу не только и не столько моим коллегам по цеху. Эта книга для тех, кто задумывается, как сказать реальность, как в этой реальности действовать. В первую очередь эта книга для тех, кто говорит и думает. Ведь именно от них, от их усилий зависит то, появится ли у регионов, у страны голос, голос свободных людей, договаривающихся о правилах местной жизни с другими свободными людьми.

Но если этот голос состоится, как и другие голоса других регионов, сообществ, групп и группочек, то возникнет уникальная возможность – договориться. Не сконструировать мудрым полит-технологическим ходом в духе В. Суркова, а создать новое целое, новую сущность – Россию.

Несколько слов стоит сказать и о композиции этой книги. Она составлена из разных, хотя и концептуально связанных между собой статей. Но статьи эти писались для разных аудиторий, печатались в разных журналах. От жестко академических журналов до вполне публицистических изданий. Потому и различается стиль изложения, хотя я и приложил массу усилий для сглаживания этих различий. Чтобы несколько упростить задачу моим

потенциальным и, без сомнения, уважаемым читателям, сразу оговорюсь. Тем, кого интересует этнографическая составляющая книги и ее общественное звучание, стоит начать чтение со второй части книжки. Тех, кого интересует политическая теория (вдруг найдутся и такие), прошу сосредоточиться на первой части изложения. Тех же, кто хотел бы понять, для чего, собственно, автор решил отнять несколько часов его уникальной жизни, очень прошу проявить терпение и снисхождение и прочесть этот небольшой текст полностью и не очень быстро.

Эмпирическим основанием для моих вполне спекулятивных рассуждений стала коллекция биографических интервью, собиравшихся с 1994 по 2013 год среди жителей Дальневосточного региона. На разных этапах в центре внимания оказывалась внутрорегиональная миграция (грант фонда «Культурная инициатива», 1994 год), криминальный мир региона (грант МОНФ, 1998 год), бизнес-сообщество во взаимодействии с региональной властью (гранты Фонда Форда, 1999; фонда «Институт «Открытое общество», 2000; МОНФ, 2001; РФФИ, 2003; РГНФ, 2005; ФЦП «Кадры», 2011). Структура повседневности населения южной части Дальнего Востока исследовалась в 2010–2013 годах при поддержке РФФИ, ФЦП «Кадры» и фонда социальных исследований «Хамовники». Дополнительным источником региональной информации стал мониторинг социального самочувствия населения Хабаровского края, проводимый при поддержке правительства Хабаровского края при участии и под руководством автора в форме анкетного опроса по постоянной выборке. При работе над текстом мы ориентировались и на опросы, проведенные соискателями, ныне кандидатами наук, работавшими под руководством автора этих строк. Опросы проводились в Камчатском и Приморском краях, Еврейской автономной области, Амурской области. Далеко не все материалы включены в книгу. Но каждый из результатов я попытался учесть в своей попытке «сказать регион». Насколько она была удачной, судить Уважаемому Читателю.

Мне же остается выразить благодарность людям, так или иначе имевшим отношение к этой книге. Г. О. Павловскому, без инициативы и поддержки которого я не решился бы на написание этой книжки. Отдельная благодарность профессору Иркутского университета В. И. Дятлову и доценту того же вуза К. В. Григоричеву. Именно их усилиями сложился уникальный коллектив людей, представляющих крупнейшие научные центры страны от Омска до Владивостока, который и дал возможность увидеть разные лица России, услышать ее голоса.

Важным посылом для написания этого текста стали беседы с С. И. Каспэ и А. Ф. Филипповым, в ходе которых уточнялась авторская позиция. Очень многое из того, что нашло отражение на этих страницах, родилось в беседах с замечательным питерским социологом Э. Л. Панеях и замечательным хабаровским философом В. П. Чернышевым. Много важных для меня идей я тихо позаимствовал у С. Г. Кордонского и В. В. Волкова. Существенные элементы предлагаемой в работе модели регионального развития в постсоветской России я позаимствовал из работ Ю. С. Пивоварова.

Огромную помощь в сборе эмпирического материала мне оказали мои аспиранты, а сегодня вполне самостоятельные исследователи С. А. Соловченков, Н. А. Пегин, Е. В. Галкин, Т. А. Лидзарь и Д. И. Канарский.

Я благодарен также редакциям журналов «Полис», «Полития», «Отечественные записки», «Политическая наука», «Гёфтер», на страницах которых ряд положений, представленных в книжке, прошел апробацию. Очень многое в этой книге не появилось бы или выглядело бы иначе, если бы не мои дорогие друзья, лучшие представители дальневосточного бизнеса, знающие, что такое честь, ответственность и дружба. Именно их критика моих «кабинетных соображений» была для меня наиболее важна. Я благодарен тебе, любимая. Без тебя бы ничего не было.

Леонид Бляхер

Часть I

Мир глазами региона

Глава 1

Европейский казус и неевропейские политики

Мы разделяем интеллектуальность и язык, но в действительности такого разделения не существует.
Густав Шпет

Любое описание «особенностей», так или иначе, предполагает и наличие хотя бы эскизного очерка того мира, в котором эти особенности проявляются. О том, что Дальний Восток – особый регион, писалось уже множество раз, в том числе главным до недавнего времени дальневосточником Виктором Ишаевым⁴. Однако стоило от деклараций особенности перейти к описанию, как перед нами оказывалось вполне типичное региональное образование. Вероятно, проблема в том, что любое подобное описание представляет собой попытку приложить к территории и территориальному сообществу некоторую изначально заданную схему, встроить сообщество и территорию в некий инвариант. Такое внешнее описание бессмысленно для региона, не воспринимается им.

Ведь если оно совпадает с уже сложившимся самописанием региона, то оно излишне. Если же не совпадает, то с региональной точки зрения оно ложно. Когда же само описание регионом себя отсутствует, то любое внешнее описание возможно, но, увы, недействительно. Действительным оно становится только при принятии его самим сообществом. Для внешнего же окружения это дорога к самым глубоким и устойчивым заблуждениям. Внешняя модель, которая настолько широка, что способна включить в себя все мыслимое разнообразие, чаще всего оказывается моделью ничего, пустоты, беспредельной и бессмысленной. Но любая другая, менее общая картина становится насилием над реальностью.

Именно поэтому я начну свое повествование, пожалуй, с попытки выйти за стандартный категориальный аппарат описания. Для чего? Ну, хотя бы для того, чтобы избежать пути, где описание регионального своеобразия *уже не* состоялось. При этом «выход за пределы» сложившегося базового алгоритма описания отнюдь не отменяет самого алгоритма. Скорее, наш подход представляет собой некий вариант пролиферации П. Фейерабенда⁵, умножения подходов, дополнения к уже существующему представлению. Я попробую не с высот мирового центра взглянуть на далекую периферию, но окинуть своим вполне периферийным взглядом внешний мир, простирающийся за пределами одной третьей части России, одной седьмой части суши. Словом, посмотреть на мир из региона, наделить его региональными смыслами. Засим и приступим.

Казус Европы: экономика как статусно нагруженная сфера

Приступая к описанию мира глазами одного из «особых регионов России», нельзя избежать хотя бы беглого выражения своего отношения к уже существующему языку описания, главным образом политологическому языку. Именно этот язык чаще всего приме-

⁴ Ишаев В. И. Особый район России. Хабаровск, 1998.

⁵ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М., 2007.

нялся, если использовался вообще какой-то категориальный аппарат при попытках помыслить «федерализм», описать различия пространства внутри страны, да и за ее пределами. Именно в нем возникают мировой центр и мировая периферия, стремление расставить очень разные страны и народы в жестком иерархическом порядке.

Собственно, поэтому классический аппарат политического анализа из учебников и мейнстримных текстов подходит не особенно. Политология как наука возникла и развивалась в рамках вполне определенных, прежде всего западноевропейских политических систем. Ее концептуальный аппарат настроен на эти системы, их анализ. Во всяком случае, если говорить о политологическом мейнстриме XX столетия, а не о «совсем классиках» (Аристотеле, Гоббсе).

Этот инструментарий и переносился на исследование *любых* политических систем, политических систем как таковых. Воспринимался как универалистский подход. Собственно, попытки использования этого инструментария для описания российских регионов уже предпринимались⁶. Но описание это предполагало поиск в региональном материале вполне конкретных проявлений и сущностей. Если они не обнаруживались (а они не обнаруживались), то делался неожиданный вывод об «отсутствии». Там, в регионах, странах и т. д., нет демократии, нет правового государства, нет эффективно работающего легального рынка. Там много чего нет. Но вопрос, а что там есть, как то «провисал». Такая фиксация «отсутствия» стала достаточно распространенной практикой в регионалистике⁷.

Другой стратегией описания регионального своеобразия является бесконечное накопление фактографии, знание «почвы», то есть того, как и какое начальство дружит или не дружит с другим начальством. Кого и куда собираются назначить. Такое начальствоведение как альтернатива «поиску отсутствующего объекта» тоже выглядит не вполне адекватным поставленной задаче. Проблема здесь обратная той, которая возникает при универалистском подходе. Начальствоведение не позволяет делать каких-либо сопоставлений, не позволяет выявлять более или менее устойчивые закономерности. Именно здесь политика России оказывается в прямой зависимости от того, сколько пил Б. Н. Ельцин или какими именно детскими комплексами страдает В. В. Путин. Региональная же политика жестко зависит от того, сколько «воровал» прошлый губернатор и сколько «ворует» действующий.

Для описания региональной реальности и мира в восприятии этой реальности нам необходим «третий» язык. Он, несомненно, исходит из региональной «почвы», где политика, экономика, культура пребывают в нерасчлененном единстве. Из той «почвы», где баня – вполне подходящая площадка для деловых переговоров, а у губернатора, если он не «москвич», и студента почти всегда найдутся общие знакомые.

С другой стороны, такой язык «знает» о наличии универалистского языка описания и его категориальном аппарате. Подобный язык может быть, как мне кажется, обретен при рассмотрении «неевропейских» политий, где подобный синкретизм является нормой. К краткому очерку этого типа политий, «перевода» их на язык политологических универсалий мы и обратимся.

Однако и он сегодня построен на специфической системе категорий, рожденной уникальным опытом Запада, опытом становления и самоописания территориального государства и его политики. Как отмечал С. И. Каспэ, «Запад, конечно, не весь мир, но понять мир, не учтя уникальность Запада, сегодня невозможно»⁸. К европейскому казусу, понимая, что он только казус, хотя и предельно значимый, мы и обратимся. Ведь территориальность, став-

⁶ Бляхер Л. Е. В поисках отсутствующего объекта / Третий электоральный цикл в России / под ред. В. Я. Гельмана. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007 // Полития. 2007. № 3. С. 158–163.

⁷ Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006.

⁸ Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и политическая форма Запада. М., 2007. С. 5.

шая мировой нормой в прошлом столетии, до того была прерогативой только Европы и ее выселок. И мусульманский мир, и Серединная империя, и уж тем более африканские политические образования были организованы на совершенно иных основаниях. Государство как абсолютное господство на ограниченной территории – гениальная выдумка Европы XVII столетия⁹. Как и связанные с этой выдумкой идеи народа, нации и т. д.

Не вдаваясь в перипетии становления территориального государства эпохи модерна, остановлюсь лишь на одной из возникавших в ходе данного процесса проблем. Кадровой. Сталинский посыл о том, что «кадры решают всё», был для означенной эпохи предельно актуален. Для утверждения территориального государства в качестве локального «центра силы» и организующего начала требуется не только силовой ресурс, но и наличие в обществе материального ресурса, который можно изъять без фатальных для этого общества последствий. Соответственно, необходимы люди, которые бы создавали добавочный ресурс, а также люди, способные контролировать его изъятие и организовывать само государственное пространство. Другими словами, нужны предприниматели и бюрократия.

Однако в структуре феодального государства как части Всемирной Империи Христиан ни первых, ни вторых не было. Королевские «управляющие» в округах (графы, сенешали, бальи, шерифы и др.) по самой сути своего правления не были пригодны для единообразного осуществления государственного правосудия. Ведь они, как и сам монарх, ориентировались на «высшую» справедливость и «Божий», а не королевский суд. Главное же, через контроль над округом они оказывались в известном смысле «равными» королю, получали доступ к тем самым ресурсным потокам, которые желало бы монополизировать новое государство. Кроме того, ресурсные потоки, идущие от крестьян, были слишком неопределенными, чтобы на их основе можно было строить хозяйственный расчет.

Особенно остро проблема добавочного продукта, а также инструмента его изъятия и поддержания «порядка» встала в XVII столетии, когда хозяйственный подъем, длившийся более двух веков, сменился тяжелейшим хозяйственным кризисом. Ресурсов становится не просто мало, но катастрофически мало. Изымать их частями (налогами) становится все труднее. Все сильнее искушение сильных мира сего просто отобрать все, что есть. А вместе с тем и прекратить процесс становления «стационарного бандита» (государства), воспетый М. Олсоном.

Но если таких предпринимателей и администраторов не было в системе феодальной монархии, это не означает, что их не существовало в принципе. В городских республиках, особенно южных, средиземноморских, в избытке имелось и то и другое. Не были ими обделены и королевские города – Лион, Бордо, Неаполь и т. д. «...Территориальные государства, присоединявшие к себе все, что попадется под руку, оказывались неспособными самостоятельно использовать приобретенные ими богатейшие экономические ресурсы, – констатирует Ф. Бродель. – Это бессилие оставляло лазейку для городов и купцов»¹⁰. Указанная лазейка открывалась еще и потому, что и предприниматели, и представители городской бюрократии, перешедшей на службу государству, были людьми «не благородными», то есть по определению не выступали альтернативными «силовыми предпринимателями» и конкурентами государства. Они, как всякие агенты, «светят» только отраженным светом, идущим от принцепала – власти.

Ведь даже подеста итальянских городских республик был наемным слугой, а не властителем, не говоря уже о должностных лицах королевских городов и тем более купцах или промышленниках. Описывая французских (королевских) купцов, венецианский посланник XVI века М. Суриано отмечал: «Никакими преимуществами и достоинством они не поль-

⁹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М., 2009.

¹⁰ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть II. М., 2002. С. 79.

зуются, потому что всякая торговая деятельность считается предосудительной для дворянства»¹¹. Подобных людей и привлекало государство. Они не правили, но исполняли. Они богатели, чтобы кормить государство. Но тем самым государство, даже не всегда желая того, допускало личную инициативу и личный риск, допускало определенное пространство свободы. Ведь без этого пространства нечего будет изымать, да и некому это делать.

Становление экономики как ведущей сферы общественного бытия в европейских странах происходило довольно медленно – и по «театральному принципу» («те же и Софья»). Постепенно из нужной, но второстепенной отрасли, из проворной служанки экономика превратилась в величавую госпожу, подмяв под себя все другие социальные сферы, обесмыслив прежде значимые деяния и стратегии поведения. Изменения XIII–XVI веков привели к появлению в период «длинного XVII века» еще одной шкалы социальной мобильности, связанной не с нормальной и привычной церковной или придворной карьерой (власть от Бога и власть по рождению), но с деньгами, промышленностью и торговлей, а также с местом в государственной бюрократической структуре.

Ее возникновение и дало возможность государству и государю утвердиться в качестве «императора в своем королевстве», преодолеть кризис. Наиболее выраженные формы этот процесс принял в северных странах – Англии и Франции, находящихся на периферии «цивилизованного мира» той эпохи. Однако сам механизм, который был использован периферийными династиями, сложился все же на Юге.

Юг, родина сильных торговых городов-государств, тоже не миновал кризиса. К судьбе этих городов – Венеции, Генуи, Флоренции и других – стоит приглядеться особенно внимательно. Именно там происходят важнейшие статусные изменения, ставшие образцом для всей европейской Ойкумены, задается «матрица» изменений, статусной мобильности.

Сама хозяйственная деятельность, прежде обладавшая лишь функциональной нагрузкой, наделяется здесь значимым и ценностно окрашенным социальным статусом. Богатство «новых итальянцев» инвестируется в статус (патриции). По свидетельству мыслителя XVI века Себастьяна Франка, «в могущественных и свободных городах» население делится на две категории: «простые горожане и родовитые, стремящиеся быть в некотором роде знатью и живущие на дворянский манер со своих рент и чиншей»¹².

Патрициат постепенно получает доступ к «настоящим» дворянским титулам. «Титулы на продажу» становятся одним из популярных товаров, поставляемых на рынок государством. Аристократия крови и аристократия денег сближаются. Экономическая деятельность, ранее выполнявшая сугубо техническую функцию, обретает (правда, не совсем «чистый») статус. При этом возникает новая хозяйственная «подпитка» традиционной социальной структуры.

Более того, заработанные в ходе торгово-промышленных операций средства в ряде случаев вкладываются не в новый хозяйственный цикл, а в земельные ренты, несколько менее доходные, вливаясь в традиционные формы хозяйствования. Таким образом, богатство, хотя пока и не вполне явно, оказывается социальным лифтом, способным качественно изменить статус его обладателя.

Несмотря на уникальность итальянского опыта, определенное взаимопроникновение аристократии, крови и денег мы можем обнаружить, пусть в меньшем масштабе, и во Франции, Испании, Англии. Знаменитые английские огораживания и французские откупа тоже были формой такого взаимопроникновения. Однако между Севером и Югом имелось и принципиальное отличие. Население южных городов не создавало новых статусов и не стреми-

¹¹ Цит. по: Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время / под ред. В. П. Волгина. М. – Л., 1929. С. 126.

¹² Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время / под ред. В. П. Волгина. М. – Л., 1929. С. 193.

лось присвоить статусную структуру дворянства. Воспроизводилась традиционная цеховая структура с присущим ей набором статусов. Если же городской патриций оказывался достаточно сильным, он «вливался» в дворянство. То есть само по себе богатство еще не являлось источником статуса, но лишь позволяло его приобрести.

На Севере дело обстояло сложнее. Новый предприниматель, связанный с «мировыми» рынками, был сильнее цеха, но не дотягивал до уровня венецианского или даже гамбургского патриция, способного влиться в дворянство. Не менее важным было и то, что его деятельность в минимальной степени регулировалась местным сообществом. Он не занимал в нем какой-либо статусной позиции и не стремился его возглавить.

Он ломал или игнорировал его, ориентируясь на иные территориально– хозяйственные объединения и связи. Не случайно так негативно воспринимались владельцы мануфактур представителями традиционной цеховой верхушки. В результате купец или мануфактурщик (суконщик) не мог приобщиться ни к одной из существовавших в тот период статусных шкал, повисая в безвоздушном пространстве и тем самым лишаясь «социальной видимости», жизненного мира, возможности повседневной коммуникации.

Его коммуникация ограничивалась сугубо профессиональной, то есть технической. Он оказывался Робинзоном Крузо, даже не попадая на необитаемый остров. Но именно это его положение создавало в конечном итоге ресурс, позволявший обществу воспроизводить себя. Мануфактура и международная торговля становились средством не только личного обогащения, но и выживания общества. Богатей, новый предприниматель обеспечивал «работу тысячам», в то время как все остальные формы хозяйствования в лучшем случае поддерживали существование самих работников при минимальном уровне изытия.

Но, являясь совершенно необходимыми для общества, новые предприниматели попадали в коммуникативную ловушку. Профессиональная коммуникация и коммуникация социальная существовали для них в непересекающихся пространствах. Не случайно в документах той эпохи купцы, промышленники чаще всего представляли странными либо даже враждебными «добрым людям» персонажами. В ходе профессиональной коммуникации они обретали средства к существованию и давали их другим. Для обретения статуса, видимости и понятности для других требовалась социальная коммуникация. Однако поскольку новые слои тратили все свои силы на хозяйственную деятельность, на социальные контакты их просто не оставалось.

Чтобы преодолеть собственную бесстатусность, предприниматель должен был... прекратить предпринимательскую деятельность или, по крайней мере, резко ее ограничить. В период появившегося досуга он мог, используя финансовый ресурс, вписаться в одну из имеющихся иерархий. Но этот путь был доступен для меньшинства. Ведь, прекратив деятельность, предприниматель лишался этого ресурса, одновременно лишая ресурса (налогов, рабочих мест) и общество.

Невозможность без потерь остановить производственный цикл и без его остановки вписать предпринимателей в существующую статусную иерархию постепенно превратилась в одну из серьезнейших проблем, стоявших перед «северными обществами». Удачные попытки организовать «союзы суконщиков» или «купцов-авантюристов» по типу старших цехов во Флоренции были немногочисленны.

Слишком больша́я часть данных обществ была задействована в процессе жизнеобеспечения, чтобы эти люди пребывали в положении социальных невидимок, маргиналов. Слишком много времени им приходилось посвящать хозяйственной деятельности, чтобы они могли «вписаться» в какую-то иную систему отношений, кроме производственных. Соответственно, необходимо было ценностно и статусно нагрузить то, что прежде было нагружено лишь функционально. Выходом стала описанная выше «матрица» конвертации богатства в статус.

И хотя «северные» предприниматели, по уровню благосостояния заметно уступавшие «южным», редко могли напрямую приобретать статус, наличие такой «матрицы» статусно окрашивало богатство. Присваивая себе «отраженный свет» традиционных статусов, богатство постепенно вызывает к жизни новую иерархию – имущественную. Иными словами, оно формирует самостоятельную статусную шкалу, причем наиболее простую и безличную, а потому в наибольшей мере отвечающую обезличивающей природе территориального государства.

Таким образом, параллельно с промышленной и научной революцией происходит революция статусов. Появляется система статусов, производных от хозяйственной деятельности (с доходом и потреблением в качестве критериев), и ее религиозное оправдание (протестантизм). Конечно, связь протестантизма с капитализмом отнюдь не линейна, но сама возможность наделения социальным статусом имущества укоренена именно в нем. Нельзя забывать, разумеется, и о философских обоснованиях этой революции (Локк и др.). Однако подобные обоснования знаменуют собой не столько статусную революцию, сколько рефлексию над ее последствиями.

Несмотря на все существовавшие между ними качественные различия, статусы эпохи Средневековья обладали единой ценностной шкалой, базировавшейся на идее Спасения, понимаемой одинаково во всех социальных группах. Формирование новой шкалы дестабилизирует общественную структуру. Возникает множественность статусных позиций, общество распадается на сообщества, конкурирующие между собой, а Божий мир – на множество несводимых миров, в духе идей Джордано Бруно.

Именно для согласования интересов этих подвижных сообществ понадобились и «общественный договор», и Левиафан. Божий мир нуждался в подпорке в лице Земного бога – государства. Превращение хозяйства в автономную сферу, то есть в экономику, сделало необходимым выделение в таковую и политического. Стоит оговориться, что политическое для меня не конфликт, достигший уровня смертельного противостояния, в духе К. Шмитта¹³, но сфера, где возможно согласование интересов без доведения их до уровня фатального конфликта. По существу, экономика, подавив прежние виды солидарностей (цех, марка и т. д.) породила новые. Находясь в разрешенной государством области свободы, эти новые солидарности получают голос, становятся социально видимыми.

Выделение политического в качестве автономной сферы, с одной стороны, стабилизировало общество, но, с другой, породило потребность в некой столь же автономной площадке, где могли бы вестись переговоры с Левиафаном. Ведь если Божий мир пребывал в гармонии и неизменности, то посюсторонний мир, начиная с эпохи Просвещения, постулировал свою изменчивость, развитие. Будущее осмыслялось в нем как некий идеал-проект, по отношению к которому настоящее – лишь переходящая ступень. Мы построим прекрасное и гармоничное будущее, но не сразу, потом. Изменчивость реальности требовала изменчивости и Левиафана. По крайней мере, с ним желательно иметь возможность договориться. Соответственно, необходимо пространство, где такие переговоры могли бы происходить. Этим пространством и становится публичная сфера. В условиях воспроизводящегося общества в ней, строго говоря, нет необходимости. При динамизме и постоянном изменении форм общественной жизни она жизненно важна.

Другими словами, экономика возвращает для себя политику и единую шкалу статусных позиций, основанных на богатстве. Из экономики вырастает система статусов, легитимируемых уже не религиозно, но политически. Сама же политика легитимируется, по крайней мере в идеале, через публичность, делегирование. Сакральная легитимность империй (от Бога, от Мирового порядка и т. д.) отходит на второй план. На авансцене оказывается

¹³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

общество, обретающее легитимность через утверждение себя... народом. Наподобие барона Мюнхгаузена, вытаскивающего себя из болота за косу.

Проблема политического перевода

Сложившаяся в Европе система хозяйствования, ориентированная на развитие и посюсторонность, оказалась наиболее эффективной. Причина очевидна: в гонке она участвовала в одиночку. Экономика как автономная сфера в иных обществах не выделилась.

Несмотря на заинтересованность в торговле с Западом, Восток не создал ничего аналогичного европейскому производству и европейской политике¹⁴.

Его товары были в целом дороже, чем европейские. Это позволяло ему просто покупать блага технологического развития, не меняя социальной структуры. За пряности и благовония легко приобретались свинец и пушки, ткани и стекло. Европа еще и доплачивала Востоку постоянную «дань» серебром. Политика же на Востоке тоже согласовывала интересы, но значительно более стабильные: интересы родовых и соседских хозяйственных объединений, которые выделяли из себя «политический класс» – или включали его в себя, если он отличался в этническом отношении.

Наиболее яркие примеры того, как чужеродный политический класс (кочевники) «осваивался» местным оседлым населением, дает, пожалуй, Центральная Азия. Хозяйство там – способ обеспечить нужды социальной организации, которая, в свою очередь, «завязана» на родовую и/или соседскую общину (авлод, махалля, племя, клан и т. д.). Кочевник (власть) нужен, чтобы обеспечить ирригацию и безопасность торговых путей для купцов и земледельцев племени. Подданные же нужны, чтобы кормить власть и поминать ее в молитвах. Это длится до тех пор, пока власть «угодна Богу», то есть выполняет свои обязательства перед родом или племенем. Все понятно и очевидно.

Несколько иной тип организации можно обнаружить в Индии или Китае. Но архетипическим во всех этих случаях выступает то обстоятельство, что социальная реальность пребывает здесь в нерасчлененном единстве, фундированном этническим, территориальным, религиозным или этическим компонентом. Нет отдельной политики и экономики, культуры и религии, родственных связей и социальных статусов. Все слито. Первичные солидарности (родственные, соседские) исполняют ведущую партию в этом хоре. Именно они ложатся в основу всех более крупных политических образований. Последние только аранжируют эту ведущую партию. Не случайно создатель огромной империи Тамерлан, водивший в бой гигантские армии, опирался всю жизнь на свое родовое племя – барласов. Да и политическая структура Афганистана или государств Центральной Африки – определенным образом организованный союз племен. Но новейшее время рождает новые (отнюдь не в плане модерна) формы организации.

Прошрое столетие с его массовым пробуждением мира к политической жизни привело к появлению на одной площадке разных политических систем. Различны они не только в том, что какая-то страна является демократией, а какая-то – диктатурой. Различия гораздо глубже. Сама политическая рамка, средства конструирования политического здесь различаются. Дуглас Норт с соавторами в работе «Насилие и социальные порядки»¹⁵ вводит это различие (европейских и неевропейских политий) как различие «обществ открытого доступа» и «естественных государств». Причем первых оказывается в несколько раз меньше, чем вторых. Казалось бы, ответ очевиден. Давайте откажемся от политологии и перейдем к этноло-

¹⁴ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

¹⁵ Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

гии или политической антропологии, разработанной для изучения именно таких, архаических систем¹⁶. Но и здесь не все просто.

Как английский (а прежде – французский) язык, вне зависимости от национальной принадлежности говорящего, выступает (выступал) языком межнационального общения, так и европейские универсалии вполне присутствуют в структуре «других» политий, хотя и не исчерпывая их. Колониальный опыт, опыт более или менее конфронтационного взаимодействия с Европой, опыт существования в глобальном мире неизбежно вели к усвоению какой-то части «международного» политического языка. Насущные же потребности в поддержании мира, обеспечении первичных солидарностей и их взаимодействия заставляли этот язык не только знать, но и использовать.

Новые режимы – уже совсем особая архаика, которая научилась говорить с модерном на языке модерна, одновременно оставаясь собой, – заполнили мировую политическую сцену. Остановимся на этом моменте подробнее.

Заинтересованность Запада в восточных товарах и организации неэквивалентного, с его, «западной», точки зрения, обмена привела к усилению его натиска на страны Востока и Юга. С созданием колониальных империй и системы полуколоний этим странам «в нагрузку» была навязана экономика, как Канарским островам – сахарный тростник, а Кипру – виноградники. Под «экономикой» мы подразумеваем не хозяйство как таковое, но его специфическую форму, возникшую в период «длинного XVII века». Новая экономическая структура опиралась на подавляющую воинскую силу, основанную на технологическом превосходстве. Однако статусно она в рамках захваченных обществ не осмысливалась, так как противоречила всему их укладу.

В результате перед колониями или полуколониями, особенно обладавшими собственным культурным опытом и историей, встала задача приручить свалившуюся на них экономику. Способ такого приручения оказался очень простым: в экономику включились элиты. Они получали европейское образование, делали европейскую карьеру. Но в элиты их превращала местная социальная структура. Они же выполняли по отношению к ней предельно важную функцию: перекачивали ресурсы из мировой экономики в традиционное общество, подпитывая тем самым разрушенное хозяйство своих стран.

Извлеченные из «экономики» средства инвестировались в бессмысленные с экономической (европейской) точки зрения сферы: традиционное земледелие и скотоводство, поддержание родоплеменной структуры и др. Мировая Империя Запада адаптировалась к местным условиям.

Именно эти приобщившиеся к европейской экономике элиты и стали основой антиколониального движения. До начала их политической активности массы были вполне индифферентны к колониальной «эксплуатации». Ведь это Маркс или европейский торговец знал, что бусы и зеркальца – ничтожные безделушки по сравнению с золотом и алмазами, а ружья или топоры в целом стоят много дешевле, чем меха или пряности. Абориген знал другое. За совершенно ненужные или не очень нужные кусочки металла и камня он приобретал жизненно важные предметы, позволявшие ему подняться статусно в настоящей жизни. Получив ружье, стать великим воином. Подарив зеркальце или бусы, заслужить благосклонность дочери вождя и пировать в его доме. Да мало ли что?

Пока колонизаторы обеспечивали необходимый для поддержания жизнедеятельности местной социальной структуры ресурс, их присутствие не вызывало ни чувства поправленной справедливости, ни протеста. В противном случае (как это было, например, в Северной Америке) местная структура просто уничтожалась, уходила в субстрат новой структуры, отличной и от колонизаторской, и от колонизируемой. Судя по литературе, британцы легко опре-

¹⁶ Баландые Ж. Политическая антропология / пер. с фр. М., 2001.

деляли «англичанина из колоний». А для «испанца из заморских владений» существовали даже особые термины в языке. Другой вариант – четкое осознание чуждости «колонизаторов» с опорой на собственную древнюю историю. Это индийские и китайские восстания против «белых», успешная афганская война против англичан в первой четверти XX века.

С появлением европеизированных элит ситуация изменилась. Вхождение в экономику дало им понимание истинной (европейской) стоимости имевшихся в их распоряжении ресурсов: золота, леса, алмазов, пряностей, нефти и т. д. Соответственно, торговля с метрополией стала восприниматься ими как неэквивалентная. Возникшая деприватизация и вызвала к жизни представление о том, что владычество «белых» («длинноносых» или каких-то еще) не отвечает идеям справедливости (божьим нормам, заветам предков). Отсюда стремление к освобождению от «колониального ига». И поскольку основная масса населения никакого особого недовольства сложившимся положением не проявляла, элиты это недовольство создали и направили. Они сравнили два социальных пространства и постулировали их несоотносимость. Началась эпоха антиколониального движения. Понятно, что были и иные мотивы (от оскорбления местных святынь до прямого насилия). Но такие акты сами по себе вызвали не долгую и упорную борьбу, а кратковременный бунт, который подавлялся силой или небольшим смягчением режима.

Примечательно, однако, что, освободившись от власти метрополий, ни одно из бывших колониальных обществ не отказалось от участия в мировой экономике. Даже те из бывших колоний, чьи ресурсы были крайне невелики, включились в международное разделение труда, мировую торговлю. Причин здесь несколько.

Колониальные власти существенно трансформировали местную хозяйственно-политическую систему, лишив ее самодостаточности. Традиционное хозяйство стало испытывать потребность в «подпитке» извне. С распадом колониальных империй эта потребность не только не исчезла, но и возросла. Во-первых, при проведении новых политических границ в рамках одного государства зачастую оказывались враждующие племена, что повышало издержки на поддержание мира. Во-вторых, внедрение некоторых элементов гигиены и практик здравоохранения привели к резкому усилению демографического давления. В новых демографических условиях для сохранения прежней (традиционной) социальной организации необходимы были принципиально большие средства¹⁷. Возникает такой современный вариант «ловушки Мальтуса», когда население растет намного быстрее, чем производительные силы общества. В сходной ситуации Европа и «придумала» экономику и адекватную ей «политику государств».

Вместе с тем ситуация, в которой оказалась мировая периферия, качественно отличалась от той, что сложилась в Европе XVI–XVII веков. Дело происходило четыре столетия спустя того времени, когда экономика с адекватной ей политикой была уже «придумана». Более того, несмотря на глобальное противостояние «капитализма» и «социализма», обе конкурировавшие в XX веке модели общественного устройства определяли себя в рамках западной культуры. Крах колониальной системы, возникновение и расцвет (не говоря уже о распаде) «социалистического лагеря» не отменили ни мировой Империи Запада, ни мировой экономики. Для второй «мировой экономики» места в мире не оставалось. Значит, нужно было использовать имеющуюся экономику, эксплуатировать наличные ресурсы глобальных экономико-политических сетей. Но для этого семантически и ценностно нагруженное традиционное статусное общество должно было стать государством среди государств с набором обязательных для него элементов и, желательно, демократической атрибутикой (выборы, президент, парламент и т. д.). И многие бывшие колонии и полуколонии мимикрируют под демократии.

¹⁷ Бляхер Л. Е., Салимов Ф. Н. Таджикистан – проблемный узел Центральной Азии // Полития. 2008. № 2. С. 6–17.

При всей своей очевидной имитационности подобные «демократии» играют важнейшую роль в поддержании жизнеспособности традиционных обществ. Именно через такие государства-имитации и их имитации-институты в эти общества перетекают ресурсы мировой экономики. Формы «перекачивания» ресурсов варьируют от «взаимовыгодных» до неэквивалентных вариантов. «Взаимовыгодный» характер носит, в частности, экспорт природных ресурсов. Энергоносителей, драгоценных камней, металлов и т. д.

Здесь повторяется ситуация с железными топорами и ружьями, за которые отдавались меха, пряности, алмазы или рабы. Крайне ценное для европейцев, но не особенно значимое или легко получаемое сырье «обменивается» на ресурс, позволяющий традиционному обществу воспроизводить себя. Нечто похожее происходит и при эксплуатации местных трудовых ресурсов.

Возникает своеобразная эквифинальность (достижение взаимоприемлемого результата при различном понимании ситуации) – мировая экономика расширяет сферу своего охвата, мировая политика получает еще одну страну «победившей демократии» или вставшую на путь демократизации, а местное сообщество обретает дополнительные средства к существованию, зачастую требующие гораздо меньших трудозатрат, чем традиционные формы хозяйствования.

К менее «равноправным» относится строительство военных баз на территории некогда подвластных государств, причем, вопреки сложившемуся стереотипу, в «ущемленном» положении в данном случае оказываются отнюдь не бывшие колонии, а западные державы. Ведь они практически ни за что платят дань местному владыке (царю, вождю, президенту). Неэквивалентными, грабительскими формами обмена по отношению к Западу выступают разнообразные займы, гуманитарная помощь и т. д.

Описанная ситуация особенно интересна тем, что участники взаимодействия воспринимают его совершенно по-разному. И дело тут не только в объективной неоднозначности разворачивающихся процессов, которые могут трактоваться и как результат работы глобальных экономических, политических, информационных сетей, и как приручение мировой экономики местным сообществом, использование ее в местных интересах. Дело в том, что для включения в международное разделение труда, мировую торговлю и т. п. традиционная социальная структура, продолжающая пребывать в нерасчлененном единстве мифа-экономики-политики-повседневности, «переводится» местной элитой на язык глобальной «Империи Запада».

В этом-то «переводе» и появляются демократия, авторитаризм, диктатура, по отношению к которым выстраивается политика Мирового Центра. Характер этой политики во многом зависит от важности ресурса, которым обладает соответствующая страна, и ее геостратегического положения. Носителю особо ценного ресурса могут простить и «неправильный политический курс». То, что неправильность данного курса есть следствие неаккуратности «перевода» с настоящего на «симулякрный», не рефлексировается. Риски реальных противоречий возникают лишь в двух случаях, на которых имеет смысл остановиться особо.

Один из таких случаев связан с ситуацией, когда источник поддержания традиционного сообщества оказывается нелегитимным в глазах Мирового Центра. Пожалуй, наиболее яркий пример – производство и экспорт наркотиков. По отношению к наркотикам возможны два варианта нарушения эквифинальности (взаимно приемлемого исхода).

Во-первых, в рамках ряда культур потребление психоделиков определенного типа признается вполне нормальным. Те же листья коки для индейцев Латинской Америки или опиты для пуштунов столь же естественны, как алкоголь для европейцев. Объяснить представителю данной культуры, почему экспортировать их нехорошо и чем это отличается от экспорта, скажем, хлопка, довольно сложно. Теоретически он может с этим согласиться, но в качестве «проблемы» не осознает, воспринимая подобный запрет как своего рода эмбарго.

Во-вторых, как уже отмечалось, настоящей реальностью для жителей мировой периферии выступает местное сообщество (племя, род, соседская община и т. д.). Соответственно, «внешние» ресурсы, которые перекачиваются в него, не имеют ценностной нагрузки: их главная и единственная функция – поддерживать существование области, кишлака, аула, семьи. Весьма показательна в этом плане «борьба с наркотрафиком» в Таджикистане, которая ведется по совершенно четкой схеме. Таможенники и пограничники задерживают ровно столько «наркокурьеров», сколько требуется, чтобы не лишиться должности (она тоже ресурс общины). Основная же масса «наркокурьеров» беспрепятственно пересекает границу, обеспечивая выживание разваленного за почти столетие иноземного владычества и десятилетие гражданской войны хозяйства¹⁸. Сходная схема просматривается и в «торговле людьми».

Другой случай – когда глобальному проекту Запада противостоит столь же глобальный альтернативный проект. На сегодняшний день единственным артикулированным альтернативным проектом является Всемирный Халифат. Примечательно, что наибольшей поддержкой он пользуется в странах, по тем или иным причинам «выпавших» из мировой торговли ресурсами, а значит, не получающих подпитки извне. (Афганистан, лишенный нефтяного Эльдорадо; Иран, истощивший ресурсы в многолетней войне с Ираком; страны, охваченные «арабской весной» и т. д.)

В связи с отсутствием такой подпитки, необходимой для поддержания традиционного общества, весь жизненный мир населения этих стран оказывается под угрозой, что и вызывает бурную ответную реакцию. И здесь совершенно не случайна риторика «крестовых походов», отчетливо звучащая, в частности, в речах Джорджа Буша-младшего.

Подобный конфликт интерпретаций нельзя снять посредством перевода на язык Мирового Центра, поскольку конфликтующие стороны почти не соотносимы между собой. В рамках проекта Всемирного Халифата государствам и надгосударственным образованиям Запада противостоят сетевые структуры, завязанные на традиционные общинные отношения и не имеющие жесткого центра, а потому неуязвимые для силовых акций регулярных войск. Собственно, для нас важен здесь только тот момент, что конфликт возникает и не разрешается, если перевод реальности на симулякральный язык оказывается невозможным.

Таким образом, не только Мировой Центр эксплуатирует мировую периферию, но и наоборот. Локальные сообщества «приспосабливают» мировую экономику к себе, ставя ее на службу собственным интересам. Соответственно, политическое устройство этих локальных образований весьма сильно отличается от политического устройства Мирового Центра.

По мнению Михаила Ильина, специфика политического устройства стран мировой периферии заключается в «двойственности» складывающихся в них политических структур. То есть там присутствует некая смесь старых и новых политических форм. Монарх, объявивший себя президентом, а своих советников – парламентом, уже не может править как монарх¹⁹.

Это, в свою очередь, является залогом постепенной трансформации традиционных обществ в демократические. А их государственного устройства – в современное государство. Это, бесспорно, так, если речь идет о монархе, объявившем себя не монархом, а президентом. Но совсем иной трактовки заслуживает ситуация, когда роли монарха и президента расходятся ситуативно. Наш герой становится президентом, но только для внешнего использования. А именно эту ситуацию мы и наблюдаем в реальности.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ильин М. В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть 3: Отечественная хронополитика. М., 1995.

Правитель (носитель высшей власти) принимает обличье президента при взаимодействии с мировой экономикой и мировой политикой, оставаясь монархом для своих подданных. При этом, пока мировая экономика выполняет свои функции по отношению к местному сообществу, а то не взрывается по каким-то собственным, внутренним причинам, эквививальность сохраняется (и стабильность инвестиций тоже). То есть возникает не «двойственная» политическая система, а система, состоящая из «социального ядра», определяющего суть данного общества, его самосознание и ценностную шкалу, и «защитного слоя», рассчитанного на взаимодействие с внешним окружением, прежде всего с Мировым Центром.

В отличие от «ядра», пребывающего в относительно стабильном состоянии и обладающего мощными механизмами религиозной или культурно-мифологической регуляции, «защитный слой» весьма динамичен, так как в противном случае он не смог бы взаимодействовать с динамичной внешней средой, обеспечивая ресурсы для жизнедеятельности общества. Вчерашние строители социализма вполне могут завтра стать «на путь построения демократии».

Этот «слой» вполне может включать в себя использование высоких технологий, активную коммуникацию со всем миром и многое другое. Важно то, что носители «прогрессивных тенденций» (ученые, инженеры, военные, дипломаты и т. д.) точно так же укоренены в местном сообществе, как и любые другие его члены. Именно оно выступает основой их самоидентификации, и именно его интересы они представляют и отстаивают.

Принимая на себя внешние импульсы, «защитный слой» поддерживает стабильность «ядра», ограждая его от потрясений. В обществе, где хозяйство, принадлежность к локальной общине, статус и власть неразделимы, взаимодействие внешних акторов непосредственно с «ядром» чревато катастрофой, поскольку неизбежно изменяет расстановку сил, приводит к власти новые группы, представляющие другие территориальные или родовые объединения. Оттесненные от власти традиционные лидеры вступают в вооруженную борьбу, которая может длиться десятилетиями, ведь на кону стоят не амбиции и даже не выгода, а честь и возможность существования всего объединения. Столь же внезапно для внешнего наблюдателя эта «вечная борьба» может завершиться, когда «ядро» обретет новую «точку равновесия». Впрочем, может возникнуть и «черная дыра» на политической карте мира. Пример Ирака, Афганистана и Ливии здесь достаточно показателен при всех различиях в генезисе и протекании их «взрывов». Постоянные внешние импульсы со стороны Империи Запада, не смягчаемые «защитной оболочкой», не позволяют ядру обрести новую точку равновесия.

Другими словами, ответом на наступление мировой экономики и мировой политики стала не столько демократизация, сколько возникновение двухслойной структуры («ядро» – «защитный слой»), позволяющей поставить ресурсы глобальных экономических сетей на службу традиционному обществу, а самому обществу сохранить свой уклад.

Осознание этого момента и вызвало расцвет политической антропологии, стремящейся ухватить специфику этих необычных политий. В ходе изложения я буду опираться на ряд ее положений. В частности, на остроумные идеи Клода Лефорта²⁰.

Я, как и антропологи, попытаюсь эксплицировать некоторые «сквозные» закономерности, которые проявлялись различно на разных этапах, но при этом сохраняли известную тождественность. Как и антропологи, я достаточно холодно буду относиться к фундаментальности собственной эмпирической базы. Однако в отличие от классиков этого направления я постараюсь постоянно держать в сознании те обстоятельства, что эти специфические «архаические» политии, которые уже знают о существовании политий модерна и постмодерна, научились взаимодействовать с ними на одном поле.

²⁰ Лефорт К. Формы истории. М., 2007.

Нечто подобное происходит и на уровне региона. Во всяком случае, когда речь идет об удаленных от центра территориях, находящихся на цивилизационных фронтах. Они в большей или меньшей степени вынуждены говорить о себе и описывать себя с помощью транслируемого из центра единого дискурса, для них «чужого». В результате вытесненные смыслы, составляющие существенную часть региональной идентичности, важную основу внутрирегиональной коммуникации, оказываются несказанными.

Чтобы в этих условиях сохранить комфортное существование, регион (любой) тоже вынужден создавать некий «защитный слой», включающий в себя некий набор имитационных функций региональных чиновников и транслируемые вовне представления о регионе. При этом «ядро» продолжает быть несказанным и, по сути, невидимым. Именно поэтому, при проникновении сквозь «защитную оболочку» внешних смыслов и действий, «ядро» гибнет, деградирует. Даже если «интервенты» («колонизаторы») руководствовались самыми благими смыслами. Эта двойственность и станет для нас «путеводной звездой» при описании Дальнего Востока.

Но сама «защитная оболочка», как и в варианте неевропейских политий, существует отнюдь не обособленно. Она одна из сторон игры. Без понимания смысла и структуры этой оболочки, без понимания специфики воздействия власти на территорию, на локальное сообщество, описание региона будет неполным. В следующей главе книжки я и попробую описать характер «внешнего воздействия» на регион. Оно тоже не гомогенно, тоже чем-то напоминает «двухслойные» структуры политий мировой периферии. Но есть и качественное отличие.

Даже на фоне двойственности политий мировой периферии («ядро» – «защитный слой») казус России выглядит достаточно экзотически, поскольку его «двойственность» гораздо глубже. Она пронизывает не только защитный слой, но в том или ином виде присутствует в каждой социальной группе. Об этой двойственности и пойдет речь далее. Опорой здесь для нас станет концепция «Русской системы» Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова²¹, несколько переинтерпретированная вашим покорным слугой.

Другой опорой станет идея «Острова России» высказанная В. Л. Цымбу рским²², одним из немногих авторов, который попытался осмыслить Новую Россию, возникшую в 1990-е годы. По ходу изложения будут всплывать и иные значимые для нашего изложения имена и идеи. Пока же перейдем от уровня «глобальных» спекуляций к спекуляциям, связанным с богоспасаемым отечеством. Я попробую вслед за авторами концепции «Русской системы», максимально насилуя фактографию, выделить некие общие структурные особенности, воспроизводимые на протяжении истории. В рамках данного рассмотрения Новая Россия выступает качественно иным этапом в сравнении с Русью, Российской империей, СССР. Н о т е м не менее она выступает этапом развития той же сущности, той же политии.

²¹ Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система // Политическая наука. 1997. № 3–4.

²² Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 173–177.

Глава 2

Русская власть vs. естественный порядок

Дальний Восток – несомненная часть России. Это положение является важнейшим элементом социальной идентичности во всех дальневосточных субъектах РФ, даже таких экзотических, как Якутия (Саха). Но эта аксиома, как я подробнее покажу во второй части повествования, никак не противоречит столь же всеобщему восприятию центральной (столичной) власти как внешней и чужой. К этой власти нужно приспособиться, от нее стоит защититься. В идеальном варианте ее получится использовать для настоящих (региональных) нужд. Но для всего этого ее, прежде всего, стоит понимать. Это понимание я и попробую представить ниже.

Русская власть: длинные структуры истории

На протяжении большей части отечественной истории, и особенно ее описания, главной проблемой России была проблема власти, ее взаимосвязь с подвластным ей социумом. Вадим Волков²³ настаивал на тесной семантической связи между словами «дано», «дань» и «подданный». «Дан» (существует) лишь тот, кто находится «под данью», является подданным. Иначе говоря, пространством, где человек наделялся статусом, выступало пространство власти. Власть, соотносимая с высшей ценностью, задавала основания аксиологической шкалы, структурировала общество, обеспечивало его «нерасчленимое единство». Для того чтобы подобная структура могла сформироваться, необходим ряд условий. Обозначим их.

Первое из них – острая потребность в единстве при невозможности «естественного» объединения. Возникновение такой потребности обычно связано с необходимостью совместных усилий для защиты от внешнего врага, в равной степени угрожающего всем потенциальным участникам объединения (Австрийская империя), или для контроля над торговыми путями (империя Тамерлана). При этом сама территория должна быть настолько гетерогенной, чтобы противиться «естественному» слиянию и не иметь явного гегемона, способного это слияние осуществить. В этой ситуации власть выступает интегрирующим каркасом, без которого общество просто рассыпается. Но для того чтобы такой каркас оказался не временной конструкцией, необходимы дополнительные условия.

Второе условие – наличие внешнего ресурса. Причем ресурса, значительно превосходящего местный ресурс. Ресурса, который власть может распределять, тем самым наделяя статусом подданного, чья способность осуществлять дальнейшее распределение зависит от объема, распределенного в его пользу ресурса. Опираясь на этот ресурс (силовой, символический или хозяйственный), власть подавляет нежелательную активность низовых социальных групп и гармонизирует социальные отношения в подходящей для себя форме.

В этом варианте самостоятельные агенты, столь необходимые европейскому государству Нового времени, хотя бы чтобы брать на откуп налоги, оказывались просто излишними, а власть заменяла собой и политику, и экономику, и любую иную область конечных значений. Она превращалась сама и превращала общество в тотальность, тем самым «объединяя его».

С агентами, осуществляющими самостоятельную хозяйственную активность, приходится договариваться. Даже в зените своей славы и мощи Карл V вынужден был считаться с Фуггерами и испанскими кортесами. Если же ресурс объединен, не зависит от индивиду-

²³ Лекция, прочитанная В. В. Волковым на школе молодых ученых (Ярославль, 1997).

альной активности агента, но контролируется властью, то агент и оказывается подданным, актором, детерминированным системой.

Наконец, третье условие – дистанцированность власти. Чтобы легитимировать общество, власть должна быть сакральной («выведенной из зоны фамиллярного контакта», говоря словами Михаила Бахтина²⁴). Власть здесь существует не в обществе, но на его границе. Причем не любой границе, а границе между самим обществом и той трансценденцией, которая легитимизирует и власть, и общество. Трансценденция здесь выступает не столько в своем религиозном статусе, сколько в форме хайдеггеровского «посыла Бытия» – некой сущности, дающей позволение к существованию самого общества как такового. Власть же выступает медиатором между Бытием и посюсторонностью. Только через власть смыслы трансценденции проникают в общество, позволяя ему «продолжить быть». Тем самым трансценденция легитимизирует власть, превращая ее в инструмент по легитимизации общества. Само же общество – страдательная сущность, объект, а не субъект. С ним не договариваются – ему позволяют существовать, поскольку вне властного пространства его просто нет. То есть нечто похожее на государство в трактовке Гоббса²⁵, но без процесса делегирования и договора. Трансценденция, высшая и несомненная ценность, делает договоренности излишними.

Легитимация власти из трансценденции задает смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти. Опирающаяся на «трансценденцию» власть не нуждается в признании со стороны общества, ее основания и принципы не могут быть предметом переговоров. Это не тема для обсуждения, а контекст, позволяющий договориться о чем-либо, «объективные условия», в рамках которых должен жить и действовать социальный субъект. Это социальная онтология. Онтологичность власти, отсутствие какого-либо явного варианта общественного договора – значимая черта для данного типа власти. С онтологией не договариваются. В ней бытийствуют. Эта троичная структура – трансценденция (высшая ценность), дистанцированная от общества власть, и общество, структурируемое властью с помощью смыслов, идущих из трансценденции, – воспроизводится на протяжении истории, выступает инвариантом по отношению к конкретным политическим формам, существовавшим на территории Руси (России).

Но не менее значим и четвертый элемент. Власть не только дистанцированная от общества, не только трансцендентная, но и целостная. В период, когда некий элемент власти (трансценденция, дистанцированность или подавляющий хозяйственный ресурс) терпит ущерб, власть теряет онтологическую природу. Она исчезает как тотальность. Будет ли это ущерб трансцендентной природе власти или сокращение распределяемого ресурса – не столь важно. Важно, что тотальность, а вместе с ней и практики власти разрушаются. Точнее, они воспроизводятся в новых условиях, где теряют осмысленность.

Общество, находящееся «под властью», из объекта воздействия превращается в некую самостоятельную силу, старательно дистанцирующуюся от власти-онтологии. Остается аппарат насилия и управления (распределения), все хуже справляющийся со своими функциями. Все обширнее оказываются «серые зоны», невидимые для власти, не обладающие легальной презентацией, но существующие. В этих «серых зонах» складывается качественно иная структура, формируется спонтанный порядок.

Сам этот порядок конструируется из осколков власти-онтологии, меняющих смысл и функцию, из маргинальных элементов предшествующей структуры, из любых «подручных материалов». Структурируется просто потому, что тяга к солидарности, потребность в Дру-

²⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 102.

²⁵ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991. С. 3–545.

гом ничуть не слабее в человеке, чем воспетая мыслителями «война всех против всех». Просто потому, что сообщество пытается выжить в новых условиях, а первичные солидарности – важнейший элемент этого выживания. С помощью этих осколков первичные солидарности и наделяются высшей социальной ценностью, становятся основой для выстраивания социумом периода между властью. Они еще не обладают голосом, но уже обладают осознанием себя, а значит, возможностью выстроить свой «защитный слой».

Идеальная задача такого порядка состоит в том, чтобы, не входя в открытый конфликт с властью, выстроить собственную систему институтов, обслуживающую локальную экономическую активность, защищающую «серые зоны», где возможно сколько-нибудь комфортное существование. Основой порядка здесь могут быть родственные и местнические связи, дружба и т. д. О роли этих структур в российской политике и повседневности уже не один раз писали представители «новой культурной истории»²⁶.

Не обозначено было лишь то обстоятельство, что структуры эти (естественный порядок) выходят на поверхность во вполне определенный период, чаще всего именуемый «смутой», а формируются в качестве социально значимых структур в предшествующий «смуте» период. То есть существуют они всегда. Где-то там, в маргинальных пространствах. Но по мере приближения «смуты» продвигаются все ближе к смысловому центру общества. Рвущиеся одежды целостной и трансцендентной власти обнажают подлинную суть общества – естественные солидарности, объединения взаимопомощи между людьми. Даже то, что в видимое пространство они входят чаще всего под чужими именами, не снижает их значимости. Но принимая имена исчезнувшей власти-онтологии, социальные общности не просто надевают маску – они переосмысляют и переконструируют эти смыслы, лишают их дистанцированности. По сути, в периоды между властью, в периоды «смуты» выстраивается качественно новый тип общества с огромным набором возможностей и вариантов развития, с конкуренцией разных образов будущего.

Но проблема в том, что сама «смута», как правило, становится объектом рассмотрения и конструирования после ее завершения, людьми, знающими, чем «все закончилось». В результате важнейший этап выхода на поверхность «естественного порядка» просто выпадает из рассмотрения.

Он оказывался или «этапом развития», закономерно приближающим уже известное «завтра», или досадной помехой на пути к нему, которую общество (власть) успешно преодолело. В любом случае предметом анализа оказывалась ситуация до «смуты» или после нее. Потому, в частности, история России, да и только ли России, оказывалась историей власти. Все богатство смыслов и возможностей периода «смуты», периода деструкции власти-онтологии и господства естественного порядка оказывается стерто наступившим будущим. При взгляде из будущего его никогда не было. Сама идея анализа путей истории страны в варианте, когда центром объединения стала бы не Москва, а, скажем, Тверь или любой другой из многочисленных вариантов, вплоть до слияния Орды и Руси в Ордусь, воспринимается лишь как забавная игра фантазии.

Тем более что исчезнув в качестве онтологии, власть сохраняется в виде «осколков», идеологического реликта, слишком слабого, чтобы структурировать новую власть-онтологию, но достаточно сильного, чтобы не допустить конструирование иной всеобщей идеологии на данной территории. В результате спонтанный порядок, возникающий на месте власти-онтологии, оказывается легитимным только в локальном контексте. Он существует без идеологического обоснования, практически без языка. Последняя функция остается за вла-

²⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999; Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999.

стью. Таким образом, формируется двоемирие: мир власти, идеологически оправданный, но не присутствующий в повседневности (реальной жизни), и мир повседневности, мир естественного порядка, существующий, но не бытийствующий, не обладающий легальными формами презентации.

В рамках первого мира (мир идеологических смыслов) второй мир (мир естественного, спонтанного порядка) является «преступлением». Однако сил для того, чтобы за преступлением последовало наказание, у власти просто нет. В рамках второго мира (мира спонтанного порядка) первый мир является «насилием». Но противостоять насилию у него сил тоже не оказывается. Более того, «насилие» чаще всего не может быть даже конкретизировано. У мира «спонтанного порядка» отсутствуют структуры, которые могли бы выстроить его собственную идеологию, собственное право и, добавим, четкую иерархию, выходящую за пределы ситуации. Точнее сказать, эти структуры, в случае их возникновения, вступают в слишком явный и острый конфликт с наличной властью, посягая на последнюю, сохраняющуюся за ней монополию – монополию на символическое насилие. Ситуация оказывается чревата конфликтом с непредсказуемыми последствиями. Собственно, здесь возникает аналог ситуации «невозможности перевода», описанной выше.

В целях самосохранения эти миры и вынуждены быть невидимыми друг относительно друга. Последнее отнюдь не исключает формирование локальных монополий на насилие, локальных «общественных договоров». Но идеологически целое присутствует, что и делает крайне затруднительным конструирование иного целого. Локальные «общественные договоры» осмысляют себя в рамках глобального. Мир «оговорен» (М. М. Бахтин) исчезнувшей властью-онтологией.

Не случайно попытка сформулировать новую миссию России («вставание с колен») вызвала к жизни исчезнувшую советскую риторику. А государства, возникшие из советских республик или сателлитов, продолжают строить себя в противопоставлении канувшему в Лету СССР. При этом такое двоемирие может быть вполне комфортным. У населения есть «серые зоны», куда государство не лезет, а у государства есть некоторый ресурс, который оное государство кормит. В идеале этот ресурс к обществу имеет косвенное отношение. Так, один из ярких современных исследователей Юрий Плюсин в частной беседе рассказывал о материалах, где говорилось, что самым спокойным и «сытым» периодом существования одной из деревень центральной России была... гражданская война. Власти было не до деревни, и деревня расцвела. Нечто подобное рассказывают историки и о кратком периоде между отступлением белогвардейцев и японских войск из Приморья и вступлением туда армии Блюхера. А если есть еще и прослойка, которая сможет эффективно амортизировать, то конструкция может оказаться пусть не устойчивой, но долговечной. Но именно в такой несказанности содержится зародыш временности периода господства естественного порядка.

Ведь спонтанный порядок не просто не говорит о себе. В самом условии его комфортного существования заложена невидимость. Вероятно, поэтому периоды, когда именно этот порядок выступает на поверхность, осмысляются как «разрыв истории», чистый негатив, хаос. Историк вынужден сосредоточиваться здесь на микроистории, «большие события» здесь просто не видны²⁷. Собственно, потому же так нелюбимы эти периоды представителями «говорящего класса». Обращаясь к событиям между двумя стабильными состояниями, исследователь, да и просто обыватель не видит в них ни того, что было прежде, ни того (если это взгляд из будущего), что возникнет после события «смуты». Отсюда логичный вывод о том, что там «ничего нет», пустое пространство. Если голос естественного порядка не воз-

²⁷ Шмурло Е. Ф. История России IX–XX века. М., 2005.

никает, локальные порядки не договариваются, а «стационарный агрессор», внешняя угроза, продолжает существовать, то ренессанс целостной и дистанцированной власти неизбежен.

Соответственно, как только возникает ресурс, который можно распределять (внешний по отношению к обществу), монополия на символическое насилие позволяет власти «перейти в наступление», достроиться до онтологии, включающей в себя дистанцированность и абсолютность, монополию не только на легализацию, но и на легитимизацию общества. При этом сам «естественный (спонтанный) порядок» не исчезает полностью, но уходит в субстрат. Прячется до следующей «смуты», проявляясь в тех самых «неформальных отношениях», столь ярко описанных в рамках школы Теодора Шанина²⁸.

Причем неформальность в подавляющем большинстве случаев оказывается сферой, где сглаживаются просчеты власти, в первую очередь хозяйственные и социальные. Собственно, за то обстоятельство, что современное российское общество, несмотря на небывалую и крайне деструктивную законодательную активность власти образца 2012–2013 годов, до сих пор не взорвалось вопреки многочисленным прогнозам аналитиков и экспертов, стоит благодарить не столько «традиционное долготерпение русского народа», сколько работу этих неформальных структур, частично нивелирующих пагубные инициативы. При этом показательно, что подобные структуры, традиционно интерпретируемые в последние десятилетия как коррупция, активно создаются не только в обществе, отделенном от власти, но и в той части власти, которая соотносится с «почвой», а не с «трансценденцией». Здесь крайне показательны механизмы по преодолению «рогаток» 44-ФЗ (в девичестве 94-ФЗ) о правилах госзакупок.

Как показывают тексты интервью, часто при «нарушениях» в ходе реализации госзакупок речь идет не о «наживе и откатах», а просто о рациональных действиях местной власти, попытке «выкроить» себе кусочек свободы маневра. Преодолеть коряво составленный закон.

Такой механизм (тотальность – смута) и воспроизводится на протяжении истории. Но воспроизводится именно как модель, каждый раз обретая собственную вариацию. Да и фиксируется, прежде всего, власть или ее отсутствие. Спонтанный порядок, если и попадает в видимое пространство, то фиксируется как безвластие, временное отступление власти, лакуна в поле власти. Сейчас ее нет, но скоро возникнет иная (новая) трансценденция, поскольку прежняя оказывается разрушенной или дискредитированной. Меняется характер ресурса (монгольские боевые отряды, пушнина, зерно, золото, нефть и т. д.). Но каждый раз новым предстает и спонтанный порядок, формирующийся на руинах прежней власти или присутствующий в ее «порах». Исчезая в тени с каждым новым наступлением власти, он незаметно увеличивает само пространство тени. Проследим в самых общих чертах и это воспроизведение, и эту эволюцию.

Сразу подчеркну, что данный текст никоим образом не является историческим. Выделенные структуры нам необходимы для объяснения современности, а исторические отсылки – для обоснования самих структур, демонстрации их «работы». Я хочу попытаться выделить тот рациональный пласт, который диктует такое, а не иное отношение властного центра к своей дальневосточной периферии.

В случае Руси потребность в объединении была обусловлена наличием «стационарного агрессора» – кочевников. Имелся и необходимый внешний ресурс – путь «из варяг в греки» и торговые пошлины. С его помощью княжеская власть победила лидеров общины (волхвов), лишив их через принятие христианства и идеологической власти. Однако княжеская власть находилась в пределах общества, что препятствовало обретению ей абсолютности и дистанцированности. После монгольского завоевания и установления системы, при

²⁸ Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999.

которой ярлык на великое княжение мог быть получен только из рук золотоордынских ханов, возникла и дистанцированность власти.

Как показывает Юрий Пивоваров²⁹, именно в монгольский период власть превратилась в действительно абсолютную. Наличие внешнего источника легитимности и подавляющего силового ресурса (в виде монгольских боевых отрядов) позволило ей стать сильнее общества. Вы недовольны властью? Все претензии к источнику ее легитимности: боевым отрядам монголов. Такой специфический вариант трансцендентальной легитимации. Правда, трансценденция здесь буквальная. Источник легитимности просто находится за пределами Руси. Русь выступает как часть империи, стремящейся к «последнему морю». Вместе с тем идеологически в данную империю не входит.

Свержение власти монгольских ханов не повлекло за собой принципиальных изменений в модели взаимодействия власти и общества на Руси. Точнее, через период «смуты», проявившейся в относительной хозяйственной свободе и одновременно яростных междоусобных войнах и внутриэлитных конфликтах, формируется новая тотальность. В рамках концепции «Москва – третий Рим» сложился еще более дистанцированный механизм легитимации власти: власть от Бога. Изменился лишь характер распределяемого ресурса. Из силового он стал хозяйственным, торговым и символическим. Россия начала «прирастать Сибирью», Дальним Востоком, южнорусскими степями, а с ними – уникальной пушниной и «рыбьим зубом», земельными угодьями и рудами. Механизм и цель такого «прирастания», как представляется, были весьма своеобразными.

Поскольку после свержения монгольской власти силовой ресурс заметно сократился, а символический еще не сформировался, возникла потребность в расширении ресурсной базы за счет привлечения хозяйственного ресурса. Получить этот ресурс можно было только путем увеличения изъятий у населения, пребывающего в рамках вновь возникшего «спонтанного порядка». Но в рамках предложенной модели это повышение нагрузки осмыслялось как несправедливость и вызывало ответную реакцию. Справедливым было бы распределение внешнего, дополнительного ресурса, но не изъятие местного.

В Европе подобная ситуация породила великие крестьянские войны. В России же реакцией на нее стали не столько местные «жакерии» под руководством товарища Разина и других ответственных работников, сколько уникальное переселенческое движение. Ведь мир «без власти», а значит, без изъятия, начинался за околицей и тянулся до невероятных пределов. По существу, освоение новых земель было бегством подданных от власти и погоней власти за убежавшими подданными. Догоняя, власть присваивала наиболее ценные из обретенных ресурсов (меха, чай, серебро, железо, золото и т. д.), тем самым получая новые силы и новую возможность перераспределять. Ведь, по большому счету, это все были «экспортные товары». Одновременно с погоней за подданными власть формирует и сакральный, символический ресурс, придающий смысл акту присвоения и распределения. Собственно, сама возможность такой «погони» и была обеспечена наличием (возникновением) символического ресурса.

Возникает подлинная имперская легитимность. Сами по себе перераспределение и захват (освоение) суть не более чем технические средства. Они необходимы, чтобы подчинить все общество единой ценности (трансценденции), земным модусом которой и выступает власть. Именно для этого и нужны распределяемые блага. Но и имперская легитимность здесь не вполне стандартная. «Империя Руси» – это не просто «весь мир», это оставшаяся часть мира.

²⁹ Пивоваров Ю. С. Русская политическая культура и Political Culture // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 23–50.

«Остров Россия», Московское царство, как убедительно продемонстрировал Вадим Цымбурский³⁰, – это не просто третий (по счету) Рим; это мир, оставшийся после гибели мира, мир спасшийся. Подобная установка предопределяет двойственный (локально-глобальный) характер основанного на ней проекта. С одной стороны, Русь есть остров, а значит, часть мира. В силу этого проект оказывается локальным, соотносимым с территориальными монархиями Европы. С другой стороны, «остров Русь» – единственная часть мира. Весь остальной мир не просто «погряз в грехе» – он морок, кажимость. Это делает проект глобальным, вселенским, соотносимым с империей. Из той же установки с неизбежностью вытекают сакральные задачи власти, главная цель которой – Спасение, противостояние Антихристу. Материальные же блага требуются для того, чтобы локальная хозяйственная деятельность и самостоятельность локальных сообществ не вводили в соблазн иного выбора, нежели тот, что предписан сакральной властью последнего Рима.

Такого рода блага обретают в глазах власти подлинный, связанный с сакральной целью смысл только в том случае, если обеспечивают возможность привлечения внешнего ресурса, контроль над доступом к которому и позволяет жестко структурировать общество. Для подавления местной хозяйственной активности недостаточно чисто силового ресурса (хотя без ружей, сабель, иностранных офицеров на жаловании и т. д. тоже не обойтись) – необходим и «добавочный» хозяйственный ресурс, существенно превосходящий по объему или, по крайней мере, по значимости внутренний. Только тогда распределение поддерживает абсолютную (трансцендентальную) власть. Активность человека – ничто. Только власть «кормит и защищает» его, дает его жизни подлинный смысл. Ведь и сама абсолютная власть тоже «средство». Она выступает посредником между повседневностью и высшей реальностью. Не случайно определяющим для русских царей был не «управленческий» или «воинский», но сакральный статус. Именно он делал царя заступником за народ перед Богом, а его власть – абсолютной.

Именно потому, что власть сакральна, сакрализуется и ресурс, который она распределяет. Однако ресурс этот внутренне парадоксален. Как уже говорилось, получить его можно только извне. Ресурс, поставляемый изнутри, ведет к появлению самостоятельных хозяйствующих субъектов, способствует развитию принципиально посюсторонней, а значит, греховной деятельности. Он предполагает, как в Европе, выделение некоторых островков свободы и частной инициативы, а это уже чревато для тотальной власти самыми неприятными последствиями.

Но поскольку весь мир, кроме «острова Руси», морок, то внешний ресурс а priori греховен. Греховен даже сам латинский язык, на котором говорят и пишут «в мороке». Для «очищения морока» и возникает особое медиаторное пространство. Таким пространством становится карнавальное «государство». Морок (мир за пределами «острова Руси») существует, и взаимодействовать с ним нужно. Но он не бытийствует. Потому взаимодействие с ним есть одновременно защита от него. Карнавал и выступает средством защиты.

О карнавальнoй природе русской культуры, начиная с Московского царства, говорилось уже немало³¹, поэтому я не буду здесь подробно на этом останавливаться. В данном случае принципиален лишь один смысл карнавала – его неподлинность (перевернутость) по отношению к настоящей, сакральной реальности. В неподлинный «защитный слой» и поступает «рыбий зуб», пушнина и т. д. В нем происходит обмен. И так как оболочка эта создана сакральным деятелем (властью), то ресурс очищается. Медиаторное пространство «маскирует» единственную сущность под общий стандарт, империю под государство среди государств, облегчает получение ресурса и решение главной – сакральной – задачи.

³⁰ Цымбурский В. Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5. С. 6–53.

³¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Для обретения и удержания ресурса российское «ядро» при Алексее Михайловиче, царевне Софье и Петре Великом создает европейскую «защитную оболочку». Она важна, поскольку именно ее наличие дает возможность получения подавляющего внешнего ресурса. Сам же ресурс – необходимое условие бытийствования власти, а через нее и общества. В результате карнавал институционализируется.

Оболочка приобретает все более европейские формы. Регулярная армия, чиновничество, государственная и контролируемая частная торговля, полугосударственная промышленность, а главное – уникальные сырьевые запасы и трансконтинентальные торговые пути обеспечивают условия, необходимые для сохранения онтологии-власти, обесмысливания любой посягательной активности, протекающей вне властного пространства. Первоначально «защитная оболочка», как и в случае стран мировой периферии³², в минимальной степени затрагивала суть социальных отношений, способ наделения статусами и ценностную шкалу.

Однако здесь начинает работать тенденция по прорастанию самой оболочки внутрь, в «ядро». Ведь, в отличие от описанного выше казуса неевропейских обществ, защитная оболочка в России создается не первичными солидарностями и их взаимодействием, но сакральной властью. А значит, сама приобретает отраженный, но сакральный статус. Ее прорастание требует новых рубежей обороны от мора.

Возникает защита от защитного слоя (бюрократия, полиция и т. д.). Эта защита, в свою очередь, европеизируется, что вызывает потребность в новой «линии обороны». При всей ее очевидной маргинальности, оболочка разрастается. Да «образованная публика», «мыслящая часть нации», к которой апеллировали ведущие представители русской общественной мысли, даже в конце XIX века состояла из «лишних людей», выпадавших из общества. Не случайно столь пародийным вышел у Карамзина «русский европеец», а славянофилы прямо рассматривали государственный аппарат как «средостение», препятствующее слиянию власти и общества³³. Но значимость этого «средостения» меняет структуру и самого общества.

Общество было жестко структурировано властью. Табель о рангах и купеческие гильдии сверху, общинные старосты, приказчики и т. д. снизу детерминировали все легальные социальные проявления. Вместе с тем наличие огромной территории и персонифицированность власти создавали почву для возникновения дополнительной структуры, обозначаемой сегодня термином «неформальные отношения». В порах тотальной власти, которая все более обретала черты государства среди государств, формируются структуры спонтанного порядка. Более того, спонтанный порядок начинает прорастать во власть.

Поскольку ни принцип распределения ресурса, ни даже принцип обретения высшей власти (до принятия в 1797 году закона о престолонаследии) не были кодифицированы, борьба за власть и ресурс переносилась в приватную и сакральную сферу. В сакральной сфере происходила легитимация высшей власти, полномочия которой могли быть *post factum* подтверждены и иным образом. Как показывает проведенный Борисом Успенским анализ феномена самозванства на Руси, самозванцы появлялись только в том случае, если возникало сомнение в подлинной (от Бога) избранности царя. Если царь был «от Бога», все остальные его черты не имели принципиального значения³⁴.

Карнавальным Иваном Грозным и «антихристом» Петром признавались подлинными царями, а вот, скажем, Борис Годунов воспринимался как «самозванный» (не от Бога). О народной вере в «царские знаки» на теле вспоминают многие писатели и этнографы. Критерием под-

³² Бляхер Л. Е., Салимов Ф. Н. Таджикистан – проблемный узел Центральной Азии.

³³ Тесля А. А. Концепция общества, народа и государства И. С. Аксакова (первая половина 1860-х годов) // Полития. 2013. № 1. С. 65–79.

³⁴ Успенский Б. А. Этюды о русской культуре. СПб., 2002. С. 97–103.

линности, избранности в данном случае служили не какие-то формальные характеристики, а ощущение, переживание: правитель соответствует высшей ценности. Дальнейшее распределение власти и, следовательно, статуса осуществлялось в неформальной (квазиприватной) сфере: пиры, охота, позднее – различного рода игры и т. п. Поскольку каждый нижестоящий уровень власти был уменьшенной, но точной копией вышестоящего, неформальные отношения пронизывали структуру власти сверху донизу. Соответственно, возникали поры для существования спонтанного порядка, позволяющего человеку жить, дружить, любить.

Отношения общинности, разрушенные еще княжеской властью, заменялись отношениями «приятельства», выполнявшими ту же функцию: от «скажи мне, кто твой друг...» до названия официальной должности – «товарищ министра». Они создавали соразмерные личности микросоциальные группы взаимоподдержки.

Не менее важную роль здесь играло и то обстоятельство, что, в отличие от самой власти, которая в силу своей дистанцированности была закрыта для «фамильярных контактов», ее носитель вполне мог оказаться доступным для таковых. А так как в сакральной сфере пребывала не только власть, но и ее носитель, контакт с ним позволял контрагенту приобщиться к сакральности, высшему смыслу. В сфере «приятельства» складывалась система статусов, дающая право распределять. Оно же являлось индикатором степени причастности к сакральной сфере. Происходило разделение на власть как трансцендентную (или от трансценденции идущую) сущность и власть как место индивида в пространстве власти. Последнее отнюдь не было трансцендентным и дистанцированным.

Между тем само это «приятельство» было не совсем приватным. Ольга Малинова справедливо называет данную сферу приватно-публичной³⁵, подчеркивая ее двойственный характер. Возникнув как имитация, карнавальное действо, система «европейских» институтов постепенно трансформировалась в пространство, где закреплялись результаты неформального взаимодействия.

Карнавальное пространство все активнее прорастало в «ядро» общества, делая и его двухслойным на каждом уровне социальной иерархии. Но прорастание карнавального (анти-сакрального) пространства вело к десакрализации общества, по крайней мере его части – той самой «говорящей и мыслящей части нации», которую называли «разночинцами». Именно они начинают мыслиться как образец правильного поведения.

Примечательно и название «разночинцы», то есть люди, живущие в мире формальных статусов, в карнавальном пространстве «защитного слоя», которое все больше становилось сущностным элементом культуры и общества. Такая десакрализация, помимо всего прочего, снижала легитимность самой власти, а через нее и общества, превращая сакрального властителя в тирана.

Ведь как только исчезал смысл власти, идущий из трансценденции, власть превращалась в прямое и ничем не оправданное насилие. Не случайно на рубеже XIX–XX столетий начались напряженные поиски трансценденции, сакральности и основанной на них справедливости. И, по естественной логике, победила трансценденция, наиболее «оппозиционная» по отношению к господствующей, – трансценденция «объективных законов истории».

Отвергнув и Бога, и монгольского хана, большевики, новые носители власти, вместе с тем не отвергли сам принцип сакральности, дистанцированности власти от общества, равно как и принцип распределения. Их проект приобрел действительно вселенское измерение – ведь революция мыслилась именно как мировая перспектива. Будучи вполне сакральной, власть большевиков тоже получала легитимацию за пределами общества – в упомянутых выше «объективных законах истории».

³⁵ Малинова О. Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. 2007. № 1. С. 6–21.

Большевистское правительство и взяло на себя роль универсального медиатора. Именно оно посредничало между посюсторонним обществом и трансценденцией, определяло соответствие того или иного факта «объективным законам». Партия, а позже и ее вожди стали носителями сакрального и имперского начала.

Однако крах идеи «мировой революции», хоть и не отмененной совсем, но оттесненной на периферию идеологического пространства, приводит к появлению черт, свойственных более государству, нежели империи – Вселенской политической формы. Особенно актуальными эти черты становятся в ходе и после Великой Отечественной войны. Появляется новая историческая общность – советский народ, легитимированный Победой. Появляется общее благо, распространяющееся уже только на советский народ.

Постепенно сформировался и «защитный слой». Вселенский проект замкнулся в рамках одной страны («Родины победившего социализма»). Существовая как государство среди государств, Советский Союз (Большая Россия) вынужден был обзавестись атрибутами суверенитета. Уже в 1920-е годы (точкой отсчета здесь, по-видимому, может служить Генуэзская конференция) «защитный слой» стал активно прорастать в толщу сакрального пространства общества. На границе «слоя» и укоренялся блат, который оказывался «сильнее Совнаркома». Неформальные отношения определяли реальный статус формально равных «первых секретарей» и «капитанов производств». Даже само назначение на должность (наделение статусом) основывалось на неформальных отношениях. Сырье и оружие выступало основой для распределения, а идеология давала возможность снизить общий уровень потребления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.